

Бабин Б.В.

председатель Донецкого регионального отделения Всеукраинской общественной организации „Фундация региональных инициатив”, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Донецкого юридического института.

Working session 8: Rule of law I.

Право на самоопределение, этнические конфликты и „борьба с терроризмом” в Причерноморье.

Проблема этнических конфликтов, милитаризации территорий и т.н. „борьбы с терроризмом” является очень актуальной для населения Северного Причерноморья. Действительно, сложно найти иной евразийский регион, за исключением, наверное, Балкан, где на довольно небольшой территории скопилось значительное количество неразрешенных внутри- и межгосударственных конфликтов, которые являются реальными, потенциальными либо виртуальными ландшафтами терроризма либо локальных конфликтов.

В то же время, множество вопросов являются неразрешенными, в частности – о правах мирного населения в зонах конфликтов, о роли и статусе земель, занятых воинскими объектами в международном и национальном праве, о взаимосвязанности прав и обязанностей индивида, коллектива и государства в этой сфере, о правовой природе и юридических последствиях принудительной депортации коренного населения во время вооруженных конфликтов и т.д. Важным аспектом является выяснение истинного характера взаимосвязи между воинскими действиями, правом на самоопределение и этническим сепаратизмом, чего до сих пор не произошло, несмотря на постоянное указывание на наличие такой связи в публикациях.

Сегодня военное напряжение в регионе возрастает. Европейские и американские аналитики единодушны во мнении, что „самые большие угрозы и для Северной Америки, и для Европы способны проистекать из районов, расположенных дальше и вглубь континента, в особенности из Большого Ближнего Востока”. При этом крах советского блока сделал Причерноморье регионом, где две указанные общественные системы граничат вплотную, что выдвигает Чёрное море из периферии к центру внимания Запада, у которого до сих пор в отношении этого региона нет цельной содержательной стратегии.

В то же время причерноморские системы кооперации, такие как Черноморский Экономический Совет и ГУАМ, хоть и отражают растущее чувство общих экономических и политических интересов данных стран являются, по справедливому мнению экспертов, ограниченными и самостоятельно обеспечить региональную безопасность вряд ли смогут. По их мнению, „продолжающиеся конфликты и хрупкость национальных институтов предполагают, что пройдут годы, прежде чем появится полноценно функционирующая причерноморская геополитическая система”. Вовлечение других многосторонних институтов к обеспечению прав мирного коренного населения — ОБСЕ, Минской группы по подходам к „застывшим конфликтам” в

Причерноморье, переговоров вокруг южного фланга Договора по обычным вооружениям в Европе по формуле “общие региональные проблемы, совместные региональные решения”, к сожалению не дает осязаемых результатов. Одновременно наиболее активно влияют на ситуацию в конфликтных зонах не их непосредственные участники, а влиятельные геополитические структуры.

Основными причинами всплеска вооруженных конфликтов, и как следствие, ущемления прав коренного населения в 80-90 гг XX ст. являлись:

- несоответствие в регионе политических границ этнокультурным;
- наличие в регионе большого числа коренных этнических групп, которые за XX ст. стали нациями (абхазы, гагаузы, крымские татары, курды и т.д.), но не смогли создать национальные государства;
- общая либерализация общественно-политической жизни в регионе (деисламизация Турции, крах тоталитарного СССР).

Современное международное право безусловно ставит принцип нерушимости границ и территориальной целостности государств выше права наций на внешнее самоопределение. Верным или нет является такой аксиологический подход, покажет нам история, однако очевидно, что именно он загнал множество территорий в “ловушку непризнания”, когда существующие де-факто государственные образования не являются субъектами международного права. Данный фактор, безусловно, ограничивает права лиц, проживающих на данных территориях, но главное не в этом. Непризнанные государства, даже при наличии воли своего руководства, не в состоянии обеспечить на своей территории права собственного населения, в частности коренного, в силу следующих факторов:

- невозможность официальных коммерческих сношений заставляет региональный бизнес полностью уходить в тень и становится основой криминализации общества;

- неблагоприятная экономическая ситуация влечет исключительно низкий уровень жизни населения, что является важнейшим криминогенным фактором;

- сепаратистские власти тратят большинство кадровых и материальных ресурсов на обеспечение внешнеполитического статус-кво и содержание управленческого аппарата, они не могут выделять эти ресурсы на полномасштабную борьбу с преступностью;

- отсутствие легальных финансовых ресурсов провоцирует сепаратистские власти на участие в широкомасштабной контрабанде торговле наркотиками, оружием, людьми, как в наиболее прибыльных видах международной деятельности;

- непризнанные территории не могут официально пользоваться зарубежной и международной правовой и правоохранительной помощью;

- указанные факторы способствуют концентрации на сепаратистских территориях криминогенного элемента с сопредельных регионов.

Таким образом, любое непризнанное государство Причерноморья автоматически становится опасной для проживания коренного населения территорией. При этом важно понимать, что сепаратизм первичен, и не является

следствием криминализованности общества, как это иногда пытаются представить пострадавшие от него государства.

Международное сообщество также не вправе повлиять на непризнанные государства – они не являются субъектами международных правоотношений и поэтому не несут никакой ответственности; их лидеры, как правило, не настолько опрометчивы, чтобы совершать деяния, за которые наступает международная ответственность; население же этих территорий не может нести коллективной ответственности за поддержку нелегальной власти т.к. международное право вообще не знает института коллективной ответственности либо обязанностей. Силой же разрешить проблему довольно непросто – если на территории массово не совершаются международные преступления (геноцид и т.п.) ввод национальных и даже международных вооруженных сил может быть признан нарушением принципа мирного разрешения конфликтов. Более того, такой конфликт будет регламентироваться нормами международного гуманитарного права, в т.ч. Гаагских конвенций и может повлечь признание сепаратистской территории государством.

Государства находят своеобразный выход из сложившейся ситуации – бороться с сепаратизмом коерного населения, выдавая его за терроризм и его проявления. Это сделать достаточно просто, тем более, что определения терроризма в международном праве не существует, а соответствующие нормативные акты дают государству, борющемуся с терроризмом, гораздо больше полномочий в отношении сепаратистов, чем, скажем, международное гуманитарное право. Характерно, что военные действия в Чечне и борьба правительства Турции с курдскими сепаратистами, и даже ситуация в Приднестровском регионе Молдавии именуются соответствующими правительствами именно борьбой с терроризмом. При этом терроризмом одновременно автоматически считается та транснациональная преступность, которая имеет “портом приписки” соответствующую сепаратистскую территорию. Таким образом,

а) сепаратистский режим является причиной концентрации транснациональной преступности;

б) пострадавшие государства для легитимации насильственного решения сепаратизма выдают данную преступность за терроризм.